

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ

Сергей Самаров

ТАТУ

С КООРДИНАТАМИ

Спецназ ГРУ

Сергей Самаров

Тату с координатами

«Автор»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Самаров С. В.

Тату с координатами / С. В. Самаров — «Автор»,
2018 — (Спецназ ГРУ)

ISBN 978-5-04-090204-0

Взвод старшего лейтенанта ГРУ Геннадия Сеголетова воюет с исламскими экстремистами в горах Кавказа. В ходе одного из боев спецназовцы уничтожили бандитского эмира с необычной татуировкой на руке. Спустя некоторое время на телах убитых боевиков обнаружены еще две похожие татуировки. Древние арабы таким образом обозначали географические координаты. У разведчиков появилась версия, что это фрагменты карты, указывающей на схрон с «грязной» атомной бомбой, попавшей в руки террористов. Но чтобы карта сложилась полностью, татуировок должно быть четыре... Где искать еще одну, старлей Сеголетов не догадывается до тех пор, пока не обращает внимание на странное поведение одного из генералов Следственного комитета.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-090204-0

© Самаров С. В., 2018
© Автор, 2018

Содержание

Пролог	6
Глава первая	13
Глава вторая	19
Глава третья	27
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Сергей Васильевич Самаров

Тату с координатами

© Самаров С., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Пролог

Очередь была длинной и неприцельной. Стрелял ручной пулемет. Такие очереди – не на поражение. Может быть, только первые пули на поражение, а потом – над головами. Такие очереди предназначены только для того, чтобы прижать противника к земле, напугать, не дать ему возможности ответить очередью на очередь. Классика боя, так сказать.

При этом я даже не знал, кто стрелял, то ли наш передовой дозор, где был ручной пулемет Калашникова, то ли это стреляли по нашему передовому дозору. Точно такие же пулеметы часто встречаются и у бандитов.

Конечно, если стрелял наш авангард, то в дополнение к пулеметной должны прозвучать и автоматные очереди. Но все автоматы взвода у нас снабжены глушителями, и в случае если стреляют «от пояса», то есть не прижимая приклад к плечу, что допустимо на ближней дистанции, автоматы не слышно. Затворы лязгают слишком далеко от микрофона.

А автоматы бандитов обычно не имеют глушителей, и потому я бы их услышал. Но встречной стрельбы не было. Это значило, что стрелял наш авангард и кого-то или уничтожил, или так прижал к земле, что лишил возможности отстреливаться. А потом захватил в рукопашной схватке. Или в той же схватке уничтожил.

Я вообще-то стрельбы не ожидал. Думал, все закончится тихо и без звука, как обычно заканчивалось. Но, видимо, возникли какие-то осложнения.

– Мослаков! – позвал я по связи сержанта, который возглавлял авангард. – Что там у вас? Почему не докладываешь?

– Разбираюсь еще... Засада была выставлена, товарищ старший лейтенант. Похоже, нас дожидались. Знают, что мы здесь.

– Может, простой стационарный пост? – переспросил я, потому что перед высадкой сам в тепловизор осматривал окрестности и наблюдателей не обнаружил.

– Какой смысл здесь пост выставить, товарищ старший лейтенант? Здесь не проходной двор и даже не долина, а склон хребта. Да и людей для поста слишком много – пять человек.

– Но для засады это слишком мало.

– Выставили, исходя из своих возможностей. Не всей же банде в засаде сидеть...

– Что с ними?

– Лежат, где лежали. Мы всех пятерых за секунду уgomонили. И еще, товарищ старший лейтенант, если бы это был стационарный пост, он был бы лучше оборудован. А здесь даже окоп вырыть не успели. Наспех готовились к встрече. Естественную ямку камнями обложили вместо бруствера.

С этим было трудно не согласиться.

– Я только одно не понял: зачем вы из пулемета стреляли? Демаскировка...

– Их пулеметчик уже нас на прицел взял. Наш стрелял на опережение. Необходимость. Почти с груди стрелять пришлось. Но очередь получилась точной. Главное – вовремя, без опоздания.

– Понятно, – здесь мне нечего было возразить.

А сержант продолжил рассказывать:

– Мы сначала хотели вообще мимо них пройти. И хорошо обходили – поверху, на пятнадцать метров выше, чем они нас ждали. Сначала нас не видели и не слышали. Мы уже почти за спину им зашли, и я думал, как их «на лопатки» взять. Потом у их пулеметчика пятачок, похоже, зачесалась, он перевернулся, сел, стал разуваться, в какой-то момент глаза поднял и нас заметил. Не знаю уж, что он увидел в темноте, может, у него зрение, как у кошки. Главное – увидел, потому что услышать ничего не мог. Мы беззвучно передвигались. Отвечаю за это! После бандит пулемет схватил и на нас наставил. Хорошо, он у него на предохранителе был,

а предохранитель тугой. Пока снимал, я успел дать команду нашему пулеметчику, который и сам был готов. И все... Пулеметчика и еще одного наш пулемет положил. Трех оставшихся мы из автоматов добили.

Это было, конечно, скверно, хотя хуже выглядела бы очередь в нашу сторону. Тем не менее пулеметная очередь нас показала остальной банде и лишила возможности незаметно и неожиданно напасть на лагерь.

Хотя, если с другой стороны посмотреть, они выставляли засаду, значит, уже знали о нашем присутствии и ждали, а пулеметную очередь в базовом лагере могут принять и за свою. Если у их пулеметчика был такой же пулемет. Даже если я не смог отличить по звуку, свой или чужой пулемет стреляет, то бандитам это тем более не под силу.

– Мослаков!

– Я, товарищ старший лейтенант...

– В темпе... Возьми автоматы убитых и постреляй из них... Имитация работы засады!

– Понял! Делаю...

И пяти секунд не прошло, как заговорили автоматы. Очереди были не нашими – короткими, по два патрона, – а от трех до пяти патронов каждая. Я не сообразил сразу предупредить сержанта, но он сам догадался, что бандиты не стреляют, как спецназовцы – не умеют. При этом я не слышал, как Мослаков отдавал команду идущим с ним бойцам передового дозора. Должно быть, он привычно командовал знаками. Или просто после его длинной очереди другие стали стрелять так же. Хотя могли и все четверо сообразить. Бойцы моего взвода хорошо понимают, что такое маскировка.

Я без труда подсчитал, что стреляют три автомата «АК-74» и один «АК-47». Надеюсь, и бандитский эмир умеет считать стреляющие стволы не хуже меня, и уверен, что засада сработала, когда в нее попал спецназ. А разрыв между пулеметной очередью и автоматными длился не больше двадцати пяти секунд. Это допустимо для прицеливания и поиска нового противника. Тем более в темноте. При этом любой эмир, если он не вчера эмиром стал, понимает, что спецназ по нынешним временам имеет тренированный и подготовленный состав, который за долю секунды понимает, когда требуется залечь, и который тоже будет отстреливаться.

Но, если на нас выставили засаду, значит, за нами наблюдали и видели, что у нас автоматы с глушителями. Потому и встречной стрельбы не слышно. Картина получалась логически завершенной. По крайней мере, она должна была представиться бандитам именно такой.

Передовой дозор стрелял из бандитских автоматов долго. Наверное, взяли у убитых запасные рожки и тоже расстреливали. Наконец, все завершилось.

– Товарищ старший лейтенант, – обратился сержант. – У пулеметчика в кармане трубка звенит. Я вытащил. Ответить или не надо?

– Симку вытащи...

– Понял...

– Трубку можешь себе взять.

– Моя родная лучше.

– Подруге подаришь. У всех убитых трубки изъять и симки вытащить. Пусть эмир попытается им дозвониться. На том свете, может, и получится...

– Наша дальнейшая задача, товарищ старший лейтенант?

– Снять и закопать затворы бандитских автоматов. Дальше продолжайте работать, как работали. Предельно аккуратно. Бандитов в лагере должно остаться шесть человек. Это вместе с эмиром. Мы идем за вами...

* * *

Я со своим взводом прилетел в полугодовую командировку в Дагестан только минувшей ночью. День нам был выделен на устройство. Но мы не предполагали, что этот свободный, по сути дела, день закончится уже в пятнадцать тридцать семь, как я определил по своим часам. Именно в это время меня вызвал к себе начальник штаба сводного отряда спецназа ГРУ майор Абдусаламов, который сам лично выделил нам день на устройство.

Я пошел в штаб без всякой задней мысли, думая, что майор еще какие-то указания относительно казармы даст. Казарму мы делили с другими взводами, при этом половина ее еще и реконструировалась. Нас поселили в три солдатских кубрика, каждому отделению по кубику. Меня определили вместе со вторым отделением, где было меньше солдат, чем в первом и третьем отделениях. При этом мне было обещано место в офицерском кубрике, которое вскоре должно было освободиться, поскольку командировка у одного из взводов завершалась буквально на днях. Я почему-то подумал, что начальник штаба вызывает меня как раз по поводу места в офицерском кубрике. Но оказалось, что дело обстоит иначе.

– Пушкина Александра Сергеевича уважаешь? – спросил меня Абдусаламов, едва я переступил порог его кабинета.

– Уважаю, но со школьных времен в руки его книг не брал, – признался я.

– А зря. Великий поэт описал твою ситуацию весьма точно.

– «Он возвратился, и попал, как Чацкий, с корабля на бал», – легко догадался я, поскольку это была уже пятая моя командировка в этот сводный отряд, и с условиями службы здесь я был немного знаком.

– Точно. А говоришь, Пушкина не знаешь...

– Цитаты... Только цитаты, товарищ майор. Крылатые выражения, известные фразы и прочее. Это мой объем знания поэзии.

– Но хорошо уже, что все понимаешь...

– Не первый год, как говорится, замужем за спецназом... Какое задание?

– Иди в оперативный отдел. Знаешь, где он располагается?

– Раньше был на втором этаже.

– И сейчас там же. Значит, знаешь. Иди, там тебе все растолкуют.

Я двинулся по широкой лестнице, шагая через ступеньку, сам себе при этом показывая, что я после перелета бодр и силен. Постучал в дверь с надписью «Оперативный отдел», дождался приглашения. Вошел. Представился.

– Это взвод, который только сегодня прибыл? – спросил молодой щеголеватый майор, постукивая пустым мундштуком по пустой же пепельнице. Старый вариант – когда человек бросает курить, он грызет мундштук и держит на столе пепельницу, чтобы была иллюзия, что он только что покурив.

Я сам никогда не курил. В жизни не пробовал, даже в школе, когда отдельные одноклассники и даже многие одноклассницы друг перед другом щеголяли с сигаретами во рту. Кроме тех, кто всерьез спортом занимался. Я тоже тогда серьезно занимался биатлоном, меня даже звали в Москву, в спортивный интернат олимпийского резерва, обещая большое спортивное будущее, только мой отец, тогда еще действующий офицер спецназа ВДВ, уже определил мое армейское будущее и воспитывал меня соответствующим образом. Естественно, без сигареты во рту. Мама во всем отца поддерживала, поскольку он не терпел несогласия со своим мнением. Под конец службы, как раз когда я приезжал в последний летний отпуск перед окончанием военного училища, отец мой служил начальником оперативного отдела воздушно-десантной дивизии, и потому у меня было доброе отношение к оперативникам. В отличие от многих моих сослуживцев.

– Так точно, – ответил я майору. – Под утро прилетели в Каспийск, откуда нас на грузовике доставили в городок.

– Чем взвод в настоящий момент занимается?

– Сейчас взвод отдыхает с дороги, готовится к грядущим действиям.

– Обязан тебя, старлей, расстроить: отдых завершен. Ты со здешней ситуацией хотя бы понаслышке знаком?

– Я не сильно расстроен, товарищ майор. Знаком со здешней ситуацией. Это у меня уже пятая командировка в сводный отряд.

– Когда из последней вернулся?

– Год назад.

– Значит, с ситуацией не знаком... За год здесь все перевернулось. И работы стало вдвое, если не втрое больше.

– И это связано...

– Это связано с ситуацией на Ближнем Востоке, где ДАИШ¹ терпит поражение за поражением. Бандитов отправляют по домам – или сами они бегут, точно сказать не могу, поскольку там они становятся порой неуправляемыми. Они все опытные, обстрелянные – представляют здесь реальную опасность. Эмиры у них часто иностранцы – саудиты или турки. Реже – из местных. Что еще нового? Если раньше мы имели дело с доморощенными бандами, с жителями одной конкретной республики, то сейчас все банды интернациональные, там и дагестанцы, и чеченцы, и балкарцы, и ингуши, и вообще, кто угодно. Много из Средней Азии. И даже уйгуры, которых в Китае ждет смертная казнь, предпочитают к нам отправляться. У нас, в случае чего, законы мягче.

– Плохо, что банд много, хорошо, что они обычно не имеют поддержки у местного населения. И друг с другом порой не дружат, – добавил капитан, сидящий за столом рядом с окном. – Но все банды привыкли ни за что не отвечать. Там привыкли грабить и убивать безнаказанно, с чрезвычайной жестокостью. И перенесли эту манеру сюда...

– Примерно в то время, когда ты, старлей, со взводом подлетал к Каспийску, – продолжал щеголеватый майор, – одна из таких банд напала на бригаду монтажников и инженеров линий сотовой связи, что устанавливала вышку в отдаленном районе. Убито тринадцать человек. Все обезглавлены, и, как издевательство, у жертв перепутаны головы, приставлены к чужим телам. Эту банду мы давно уже отслеживаем с помощью беспилотников. Знаем, где она базируется. Авиационный удар там не поможет. Кругом лес, в горах гроты – есть, где спрятаться. Это недалеко от административной границы с Чечней, там горы уже лесистые. Дороги туда нет. Добираться только вертолетом. Монтажникам, кстати, требовалось на своем горбу и на двух гусеничных тягачах протащить оборудование на тридцать километров по дну лесистого ущелья. Остальное должны были доставить вертолетами. Оборудование, что у монтажников было при себе, бандитами уничтожено, тягачи сожжены. Теперь неизвестно, когда местным жителям нормальную связь дадут. Там давно уже большие проблемы со связью – неустойчивая и осуществляется исключительно через оператора в Чечне. До Чечни оттуда рукой подать, а до обжитых районов Дагестана далеко. Про монтажников и инженеров из бригады я уже сказал.

Я зло скрипнул зубами. Ненавижу дикую жестокость и не умею ее прощать. Таких бандитов всегда лучше уничтожать безжалостно. Они заразные...

– А что же раньше банду не уничтожили?

– До этого они сидели тихо, не высывались, – объяснил капитан. – У нас таких – целый список. Федеральных сил едва хватает, чтобы с активными бандами справиться. Люди спят в вертолетах. У нас даже солдат автороты частично распределили по взводам спецназа, чтобы иметь возможность выделить кому-то время на отдых. Правда, только тех в спецназ

¹ ДАИШ – арабское название ИГИЛ.

отправляли, кто сам выразил желание. Предпочтение отдавали операторам-наводчикам с БМП и БТРов. Из них иногда получают неплохие пулеметчики.

– Короче говоря, так, старлей, – подытожил щеголеватый майор. – Твоя задача...

– ...уничтожение банды. Безжалостное. Как они того заслужили, – завершил за майора капитан, сообщив конкретным языком то, что майор желал, видимо, произнести формально.

– Уничтожим, – согласился я. – Информация по банде?

– Слушай...

* * *

Данные, которые выдал оперативный отдел, были, в принципе, исчерпывающими для конкретной работы по уничтожению. При этом сами оперативники знали только общий количественный состав банды, но не знали ни одного имени участника формирования.

Еще мне сообщили, что на правом предплечье у эмира есть цветная татуировка. Красной и черной тушью красиво и затейливо выведено какое-то слово на арабском языке. Волосы прикрывают татуировку, но она, видимо, несколько раз обновлялась, что говорит о том, что эмир придает ей определенное значение. Но даже перевода надписи в оперативном отделе никто не знал, как и не видел изображения самой надписи. Откуда пришли в оперативный отдел такие данные, мне никто не сообщил, а в ответ на мой прямой вопрос посмотрели, как на дурака, из чего я сделал вывод, что это агентурные данные. Но даже в Дагестане не все грамотные люди умеют читать по-арабски. А среди агентуры, как правило, не все даже по-русски читают.

На операцию нам выдали стандартный боезапас, «сухой паек» и вертолет «Ми-8», который обычно используется для транспортировки и десантирования спецназа. Пилот вовремя оказался в здании штаба. Щеголеватый майор позвонил дежурному, и тот уже через три минуты прислал в кабинет командира экипажа – худощавого и хмурого подполковника.

– Доставим без проблем, – сказал подполковник, когда меня ему представили. – Мои полетные документы...

– У диспетчера авиаотряда. Уже отправили.

– Понял. Мне уже говорили, куда приблизительно лететь. Там, кажется, местность лесистая?

– Лесистые горы, товарищ подполковник, – подсказал капитан.

– Старлей, как десантироваться будешь? Посадку там, боюсь, я совершить не смогу. Винты о деревья ломать не намерен. А удобных площадок для посадки, насколько я карту помню, в тех краях нет. Искать их можно несколько дней. Давай сразу договариваться, «на берегу»...

– По крайней мере, не парашютное десантирование. Все остальное не имеет значения, – сказал я. – Если получится с высоты метра в два, мы выпрыгнем. Получится выше, можем по канату спуститься. Канат из пеньки всегда лучше стального троса. Руки не жжет. И лучше синтетики, которая любит тянуться и скручиваться под весом человека.

– Есть у меня такой канат. Но перчатки лучше иметь...

– Есть перчатки у всех, – сообщил я.

– Тогда проблем не будет, – пообещал подполковник.

– Боекомплект и «сухой паек» вам доставят машиной к казарме, – сообщил капитан.

– Что-то новое... – удивился я. – Всегда раньше сами получали на складе.

– При другом начальнике штаба. А теперь майор Абдусаламов распорядился так делать. Он всегда об исполнителях задания в первую очередь беспокоится. И нас этому учит.

Я не возразил, поскольку для меня и для взвода так было намного удобнее, и пошел в казарму поднимать взвод на первую боевую операцию.

В нынешней командировке, так уж получилось, у меня во взводе оказалось шестьдесят процентов молодых солдат срочной службы, отслуживших только полгода. То есть из двадцати семи бойцов у меня было шестнадцать «срочников». И после этой командировки им предстояло ехать домой. Конечно, каждый из них, кроме тех, кто решит остаться служить по контракту, мечтает вернуться домой героем с государственной наградой на груди. Обычно после такой командировки все солдаты срочной службы получают медаль «За отвагу»². И это независимо от совершенных подвигов. Просто за участие в боях, за риск. Кому-то ее вручат перед отправкой домой, кому-то, возможно, уже дома в военкомате. Разные случаи бывали. Я всегда писал представление к награде на всех солдат взвода. А уже штаб батальона решал, кого чем наградить. Кому-то достается знак отличия «Георгиевский крест» Первой степени³. На моей памяти солдаты контрактной службы только трижды получали «Георгиевский крест» Второй степени, и лишь однажды Третьей степени. Крест Четвертой степени кто-то, наверное, и получал, но я лично таких военнослужащих не знаю. При этом я отлично понимал, что все бойцы взвода рвались в бой не за медалью и не за Крестом. Просто они знали свой уровень подготовки и хотели проверить свою способность стать защитником друзей, родных, своих соотечественников.

И я хорошо знал, что в первый бой все поднимутся с радостью, оставив отдых, который может утомлять больше тяжелой военной работы. Организм солдата в боевой обстановке всегда должен быть настроен на нужный ритм.

* * *

Десантирование проводилось с высоты около шести метров с помощью каната. Я сначала помогал командиру экипажа выбрать подходящее место поблизости от точки работы. Смотрел прямо из «фонаря» кабины. Перед этим из той же кабины в бинокль с тепловизором просматривал местность на предмет наличия вражеских наблюдателей. Если бы обнаружил их, десантирование перенесли бы в другое место. Правда, сначала постарались бы наблюдателей уничтожить. Для этого у нас имеется снайпер с навыками стрельбы с вертолета.

Я десантировался первым. Приземлялись мы на какое-то подобие просеки шириной около сотни метров, что была проделана не человеческими руками, а природными силами. По

² Медалью «За отвагу» могут награждаться граждане России, как военные, так и гражданские. Основанием для награждения служит личная отвага и мужество, которые были проявлены при исполнении воинского или своего гражданского долга, а именно: 1) в боях при защите РФ и ее государственных интересов; 2) при выполнении спецзаданий по обеспечению госбезопасности РФ; 3) при защите госграницы РФ; 4) при исполнении воинского, служебного или гражданского долга, защите конституционных прав граждан в условиях, которые были сопряжены с риском для жизни. При этом, как и многие другие российские награды, медаль «За отвагу» может вручаться посмертно. Стоит отметить, что медаль «За отвагу» стала одной из немногих наград бывшего СССР, которая сохранилась в наградной системе РФ и дошла до нас практически в первозданном виде, подвергнувшись минимальным изменениям. Вариант награды, который используется в настоящее время, был учрежден в марте 1994 года. От советской медали «За отвагу» российская версия отличается отсутствием надписи «СССР», которая располагалась под многобашенным танком в нижней части медали. Помимо этого, диаметр медали «За отвагу» в Российской Федерации был уменьшен на 3 мм – до 34 мм. Также первоначально в 1994 году материалом изготовления медали был выбран медно-никелевый сплав, но уже 1 июня 1995 года было предписано выпускать медаль из серебра, как и было на протяжении всей истории существования данной награды.

³ Знаком отличия – Георгиевским крестом награждаются военнослужащие из числа солдат, матросов, сержантов и старшин, прапорщиков и мичманов за подвиги и отличия в боях по защите Отечества, а также за подвиги и отличия в боевых действиях на территории других государств при поддержании или восстановлении международного мира и безопасности, служащие образцами храбрости, самоотверженности и воинского мастерства. Знак отличия имеет четыре степени. Награждение производится только последовательно, от низшей степени к высшей. До 2008 года наградений не производилось. Это связано с положением о знаке, которого удостоиваются за боевые действия при нападении внешнего врага. Российская Федерация таких войн за истекший период не вела. С 12 августа 2008 года в связи с войной в Южной Осетии положение о знаке отличия было изменено, появилась возможность награждать им за проведение боевых и иных операций на территории других государств при поддержании или восстановлении международного мира и безопасности (миротворческие операции). Кроме того, уничтожение международных террористов приравнивали к отражению интервенции извне.

крайней мере, внизу были навалены деревья, и торчали, как карандаши, обломанные стволы елей и берез. Ветер прошел полосой со штормовой скоростью⁴ и переломал то, что было на земле. Говорили, что такой ветер проходил здесь прошлой осенью. Пока еще свежие деревья не выросли. Но, когда они вырастут, просека станет непроходимым участком, своеобразной стеной в лесу. Я несколько раз встречался с такими стенами бурелома – и в Центральной России во время учений, и в сибирской тайге.

Но на выбранном нами участке пока еще пройти было не слишком трудно. С одной стороны, казалось, что будет сложно приземляться в таком месте. Но это было бы сложно, осуществляя мы десантирование простым выпрыгиванием. Никогда не знаешь, с чем встретишься в высокой траве. А при десантировании с помощью каната было легко найти место для удачного приземления и сразу после него нырнуть в укрытие, чтобы занять позицию.

Канат был натуральным пеньковым, который не обжигает ладони при спуске, может быть, слегка толстоватым, но отсутствие громадной кисти компенсировалось тренированной силой пальцев. Весь процесс десантирования занял немного времени и прошел организованно, а главное, без эксцессов. Никто никому в спешке не наступил не только на голову, но даже на плечо, никто не разжал раньше времени пальцы и не свалился на своего товарища. При этом, как было отработано уже давно на тренировочной базе батальона, после приземления бойцы один за другим перебежали на заранее определенное место, занимали позицию, прикладывались к наглазнику оптического прицела своего автомата и через тепловизионную предобъективную насадку осматривали окрестности.

Честно говоря, я искал в свой бинокль не только наблюдателей. В мощный тепловизор вертолета, имеющий круговой обзор, я заранее просмотрел территорию вокруг места приземления. Тепловизор не показал мне биологически активных объектов – ни людей, ни животных. Но все равно заранее выбранный порядок никто не нарушал. Пусть и не было в этот раз необходимости просматривать окружающий нас пейзаж, чтобы отыскать там противника, я это действие не отменил, чтобы оно вошло в привычку бойцов. Это урок на будущее.

Высидевшись, я по связи отдал приказ своему замкомвзвода старшему сержанту кон-трактной службы Андрею Тихомирову:

- Андрей! Обеспечь передовой и фланговый дозоры.
- Есть выставить дозоры, товарищ старший лейтенант.

Относительно арьергардного дозора Тихомиров даже не спросил. Он не хуже меня знает, что при скорости передвижения взвода спецназа ГРУ арьергардный дозор можно не выстав-лять. Все равно за нами никто угнаться не сможет. А если кто-то и попытается, мы его услы-шим. А людей во взводе не так много: кроме меня, командира, в наличии только двадцать семь бойцов вместе с сержантским составом. И потому, как я услышал по связи, Тихомиров выставил четверых солдат первого отделения под руководством их командира сержанта Мослакова в передовой дозор, приказав взять с собой пулеметчика. Два человека из второго отделения ушли в боковое охранение налево, то есть вниз по склону, два бойца третьего отделения ушли по склону вверх – группа охранения правого фланга.

Определить засаду при наличии тепловизионной насадки на оптическом прицеле было не слишком сложно. Сержант Мослаков, обнаружив ее, предупредил сначала меня, потом боковое охранение левого фланга, чтобы те не оказались на линии огня в случае перестрелки. Боковое охранение быстрым темпом ушло вперед. А потом раздалась пулеметная очередь, хотя, в иде-але, она не должна была прозвучать...

⁴ Штормовой ветер в среднем, считается, имеет скорость до 25 метров в секунду.

Глава первая

Теперь уже терять время было никак нельзя. Бандиты наверняка слышали звук пулеметной очереди и последовавшие за ней очереди четырех автоматов. Попытались дозвониться, но не получилось. Причем сначала звонки доходили, но на них не отвечали, а потом робот должен был сообщить звонившему, что «аппарат абонента выключен или находится вне зоны обслуживания». Это еще ни о чем не говорит (в районе, насколько мне известно, серьезные проблемы с сотовой связью), но следует допустить, что такой сбой заставит бандитов проявлять повышенную осторожность. Они, конечно, могли и не знать о плохой связи, тем не менее поспешать следовало.

– Наша дальнейшая задача, товарищ старший лейтенант? – спросил Мослаков.

– Продолжайте работать, как работали. Предельно аккуратно. Бандитов в лагере должно остаться шесть человек. Это вместе с эмиром. Мы идем за вами. Первым запускать сапера.

Я прибавил скорости и почувствовал, не оборачиваясь, что весь взвод двинулся следом за мной в новом темпе. Это одно из главных немых правил в военных действиях – «Делай, как я!» – и солдаты это правило хорошо знают. Они никогда без приказа не отстанут и не оставят командира одного, как и не пожелают сами остаться без командира. А я, имея физические возможности нарастить скорость до предельного уровня, при котором многие не выдержали бы темпа, не делал этого, чтобы среди солдат не было отстающих. Взвод – это цельный живой организм. Не случайно у нас все спортивные соревнования между взводами проводятся по принципу, при котором результат замеряется по последнему солдату. То есть если кто-то отстанет, результат взвода будет зависеть от него. В боевой обстановке этот принцип помогает выжить даже самому слабому бойцу.

Кстати, за годы службы в спецназе я убедился, что физическая слабость – это не вопрос недостаточной подготовки. Вопрос выносливости – это, во многом, вопрос характера. Есть у человека характер или его нет, умеет человек перешагнуть через собственное «не могу» или не умеет. А вот вопрос физической силы или слабости – это уже, как говорится, что человеку природой отпущено. Одни могут быстро передвигаться, другие не могут. Характер можно воспитать. А вот физическую силу при равных условиях тренировок довести до абсолютно одинакового уровня невозможно. Все люди разные. Вот потому, скажем, в спорте один лучше бежит, другой лучше бьет рукой, третий лучше использует ноги, и потому все занимаются разными видами спорта – легкоатлеты, боксеры, футболисты, фехтовальщики...

Конечно, мы стараемся подогнать солдат под общий, усредненный уровень подготовки. Такой уровень тоже существует и называется прозаически – «армейские нормативы». Хотя сделать это за современный год службы чрезвычайно сложно. Тем не менее даже самый слабый из бойцов взвода через полгода службы уже становится физически сильнее любого неподготовленного гражданского человека, даже наделенного физическими талантами от природы.

А бандиты, против которых мы действуем, в основном и есть такие неподготовленные гражданские лица, только взявшие в руки оружие и с оружием возомнившие себя хозяевами жизни. Думают, что они вправе распоряжаться чужими жизнями и давать другим указания, как необходимо жить. Это главная ошибка боевиков. Они не желают считаться с тем, что каждый человек – это отдельная Вселенная. Да-да, я так считаю, что есть общая Вселенная, а есть Вселенная индивидуальная, в которой живет каждый отдельный человек, а есть – личная, которая внутри него, и выйти за ее пределы человеку не дано. Она определяется характером, психикой, воспитанием, сформированными в раннем детстве.

– Товарищ старший лейтенант, впереди что-то светится в тепловизоре, – шепотом сообщил сержант Мослаков. – Не берусь точно сказать, что это человек, но что-то там есть. Слы-

шать нас оно не может, но, возможно, слышит. Я вот сейчас говорю с вами, оно шевелится, словно прислушивается. Может, зверь какой... Для человека размеры маловаты...

– А если человек в окопе сидит? – предположил я как вариант.

– Все равно, товарищ старший лейтенант, человек светится не так. У человека свечение объемом больше – из окопа вверх лезет, и цвет другой. Здесь больше белого, как от вспотевшего человека.

Да, я тоже давно заметил, что после быстрого бега человек начинает светиться в приборе больше белым, чем красным и черным цветами – мне объясняли, что это светится вытопленный из-под кожи жир. А в обычном положении, особенно в неподвижности, черного цвета больше даже, чем красного, а белый идет только в области рта и ладоней. То есть там, где излучается тепло. И я рад был, что и сержант обратил на это внимание. Значит, солдаты привыкают к своим приборам и пользуются ими с толком.

– Тебя сейчас снайпер догонит. У него прицел мощнее даже моего бинокля. Пусть он посмотрит и определит. Занадворов! Коля! Слышишь?

Первый снайпер взвода, сержант Коля Занадворов, имел отличный прицел на своей мощной винтовке СВ-1367 «Выхлоп». Мало того, что винтовка считалась одной из лучших среди российского снайперского крупнокалиберного оружия с глушителем, она еще имела и прекрасный прицел. Сама история создания этой винтовки достаточно интересная. Делать ее начали еще в две тысячи втором году. Но до сих пор «Выхлоп», хотя давно уже официально принят на вооружение, выпускается только малыми партиями для нужд спецподразделений, в основном Центра специального назначения ФСБ России, который и заказывал эту модель, и ФСО, но не имеет широкого распространения в войсках. Хотя на базе винтовки и выпускается дополнительно штурмовой автомат АШ-12 того же калибра, сама винтовка постоянно дорабатывается.

Перед российскими оружейниками и снайперами уже много лет стояла задача, которая казалась неразрешимой. Дело в том, что все известные крупнокалиберные снайперские винтовки создают солидную демаскирующую вспышку и грохочут как артиллерийские орудия. А бесшумные образцы, которые удавалось создать, не могли стрелять на большую дистанцию, как их более «голосистые» коллеги, и не обладали соответствующей убойной силой. Приходилось постоянно выбирать – скрытность или мощь.

И вот в Туле разработали новую винтовку СВ-1367. За основу был взят стандартный для крупнокалиберных винтовок патрон калибра 12,7x108 миллиметра. Но этот патрон, используемый большинством крупнокалиберных дальнобойных винтовок мира, был слишком «громким», поскольку имел сверхзвуковую начальную скорость полета пули, и никакой ПСБ, как в просторечье называют глушитель, был не в состоянии этот звук погасить до приемлемого уровня.

В результате сложных математических расчетов был создан другой патрон, тоже мощного калибра 12,7 миллиметра, но его длина уже составляла пятьдесят четыре миллиметра вместо ста восьми. При этом изменилась и сама пуля, став более тяжелой, со стальным каленным сердечником. Эта пуля уже не является такой же дальнобойной, как ее предшественница, но обладает той же пробивной силой на дистанции стрельбы до восьмисот метров. При этом патрон давал начальную скорость полета пули ниже звуковой, и потому мощный глушитель, разработанный специально для «Выхлопа», делал звук выстрела даже слабее, чем у других российских снайперских винтовок.

При этом те же «ходовые» в армии и в спецназе винтовки «Винторез» и ВСК-94 порой выдавали себя за счет звучного лязганья затвора. А у «Выхлопа» от автоматики отказались. Затвор передвигается вручную, так значительно тише. И это позволило использовать винтовку как средство для скрытного применения.

Это отличало оружие первого снайпера взвода от оружия двух других снайперов, работающих обычно парой – младшего сержанта Соломатова и младшего сержанта Коровкина. Оба

они использовали одинаковые винтовки «Корд», калибра 12,7х108 миллиметра. Эта винтовка не зря у снайперов называется «царской короной», ибо на дистанции до полутора километров при попадании человеку без бронежилета в грудь просто отрывает верхнюю часть тела.

А вообще два младших сержанта со своими винтовками считаются во взводе антиснайперским звеном. Снайперы среди бандитов – явление нередкое. И чаще всего на вооружении у них стоят винтовки СВД⁵, которыми забиты российские армейские склады. Эта винтовка имеет прицельную дальность стрельбы до тысячи двухсот, изредка до тысячи трехсот метров. А винтовки «Корд» позволяют производить прицельную стрельбу на дистанции более полутора километров. То есть младшие сержанты в состоянии уничтожить любого снайпера противника с дистанции, с которой он не сможет сам в них попасть.

Но их «громкие» винтовки не годились для работы в передовом дозоре, и потому я послал к сержанту Мослакову сержанта Занадворова, у которого прицел не хуже, чем у винтовок младших сержантов, а если вдруг придется стрелять, то его выстрел ничего не «скажет» противнику, в то время как выстрел «Корда» сразу выдаст, что идет мощная атака.

Хотя, если бандиты выставили засаду, они уже знают о нашем присутствии и ждут нас. Просто я привык к тому, что мы обычно приходим невидимками, уничтожаем бандитов и уходим, когда на нас уже и смотреть некому. И видят нас, уже зная почти всех в лицо, а меня, как командира, и по фамилии, и по званию, только следователи Следственного управления Следственного комитета Дагестана. Иногда видят еще и парни из небольших групп ОМОНа, которые выступают в качестве охраны следственных бригад в опасных районах республики.

В боевых операциях, на мой взгляд, группы ОМОНа бесполезны. И если их посылают против банд, то только потому, что больше послать некого. А вот в качестве охраны они на своем месте. Это они организовать умеют и работают, по большей части, надежно.

Чтобы проконтролировать проход снайпера, я вытащил свой планшетник и включил наложенную на карту местности программу контроля бойцов своего взвода. Программа красной точкой показала мне передвижение снайпера.

– Коля! Можешь шагов на десять ниже спуститься. И там по прямой выдвигайся. До передового охранения останется метров пятьдесят.

– Я его не слышу, – сообщил сержант Мослаков, – а объект наблюдения слышит. Шевелится. Это точно не человек.

Сержант Занадворов меня понял, резко спустился ниже по склону хребта и двинулся прямо.

– Очки ночного видения надень, – посоветовал я.

Очки ночного видения, достаточно большие, размером с театральный бинокль, и неудобные, были у всех солдат взвода. Идти в них по ночному лесу было, на мой взгляд, удобно. Только не в дозоре, где лучше пользоваться тепловизионным прицелом, что дает возможность вовремя стрелять, если понадобится. А очки ночного видения к оптическому прицелу не прижмешь и ничего увидеть в них не сможешь за пределами тех десяти метров, на которые они рассчитаны. Увидишь только узкий участок, который подсвечивается лучами встроенного лазера.

Далеко не все солдаты во взводе пользуются этими очками. Многие предпочитают напрягать собственное зрение и смотреть перед собой внимательнее. Даже когда луны на небе нет. Но в горах такие яркие и такие близкие мохнатые звезды, что светят достаточно ярко. И видно при их свете хорошо.

Особенно не любят очки ночного видения опытные контрактники, которые начинали служить еще в отсутствие в спецназе различных гаджетов и привыкли больше человеческим органам чувств доверять. А ночному передвижению они обучены давно и хорошо. Ведь ночь – это основное время работы спецназа ГРУ.

⁵ СВД – снайперская винтовка Драгунова, калибра 7,62х54 миллиметра.

– Товарищ старший лейтенант, я в очках всегда спотыкаюсь, – возразил снайпер, уловив не приказной тон моих слов. – Даже когда ползу...

– Дело хозяйское... – В данном случае я мог только посоветовать, а как удобнее выполнять мое задание, снайперу виднее.

Я вовремя вспомнил, что командир обязан не только одним опасным участком заниматься, а и всем взводом руководить.

– Соломатов! Коровкин! Выходите на верхний уровень, к самым скалам. Оттуда просматриваете, что можно увидеть, докладываете и страхуете взвод. Все ясно?

– Так точно, товарищ старший лейтенант.

Теперь можно было вернуться к тем событиям, что разворачивались впереди. Навигатор показал, что Занадворов на десяток с лишним секунд остановился, замер на месте. Обычно это происходит с солдатами, когда они в прицел местность осматривают.

– Что видишь? Кем любишься?

– Вижу наших. Любуюсь Мослаковым. Выше других стоит.

– Это плохо, Мослаков, что он тобой любит. У бандитов тоже может быть тепловизионный прицел. А они привыкли любоваться не людьми, а телами. Я бы на твоём месте спрятался. Занадворов, докладывай!

– Выхожу на наших. Других объектов поблизости не увидел.

Я тем временем смотрел в монитор планшетника и наблюдал перемещение снайпера в сторону передового дозора. Он шел сторожко, на коротком отрезке дважды останавливался, видимо, снова в прицел рассматривал окрестности.

– Товарищ старший лейтенант, – доложил сержант после второй остановки, – я нашел этот объект. Пока не могу сказать, что это такое. Но буду контролировать.

Снайпер прошел еще шагов пятнадцать и снова замер. И обратился уже не ко мне, а к командиру передового дозора:

– Мослаков! Осторожно. Под объектом, который ты показал, есть белое свечение. Ниже уровня земли.

– Не вижу свечения... – ответил сержант Мослаков.

– Я уровнем выше тебя нахожусь, потому мне видно. Сдается мне, там нора, из которой торчит ствол с оптикой. А белое свечение – это дыхание снайпера. Красно-черным там же светится аккумулятор его прицела.

– Если там снайпер, почему тогда он не стреляет? – не поверил Мослаков.

– Сейчас стрелять ему смысла нет. Одного только и успеет уложить – тебя, потому что ты выше всех стоишь. А остальные, как только ты свалишься, сразу залягут. Ждет, когда вы ближе окажетесь, чтобы успеть два-три выстрела сделать. Я так понимаю. Давай проверим!

– Классика? – спросил сержант сержанта.

– Классика, – согласился снайпер. – Беру противника на прицел. Начинай. Лучше с нескольких автоматов.

– Тремя и ударим... – определил Мослаков, видимо, занимая лежачую позицию. Об этом сообщали перебивы дыхания при произнесении слов, что улавливались микрофоном. – Все готовы? Огонь!

В этот раз автоматчики стреляли прицельно, то есть не с пояса, и потому их микрофоны находились вблизи оружия. И наушники донесли приглушенные звуки выстрелов – короткие спецназовские очереди в два патрона. То есть было выпущено шесть пуль, пулемет по понятным причинам не стрелял. Но выстрелы легко заглушались последующим лязганьем затворов. После чего те же наушники донесли до меня еще один выстрел, теперь одиночный. Он прозвучал тише, чем стреляют автоматы с глушителем, даже тише, чем выстрел из пневматической винтовки. Но я знал, какую убойную силу несет в себе этот выстрел.

– Вот это называется кого-то чебурахнуло! – сказал сержант Мослаков.

– Докладывай, что там? – потребовал я.

– То, что лежало и светилось, было, скорее всего, телом собаки или волка. Может быть, крупного шакала. Тело уложили поверх земляного бруствера. Маскировка. Надежда на то, что горячее, оно будет светиться в прицеле. Мы выстрелим и успокоимся. На недоумков, психологи хреновы, рассчитывали. За зверем, видимо, окоп, в котором прятался бандитский снайпер. Винтовка была под трупом животного, в углублении бруствера. Скорее всего, снайпер сидел в окопе и постоянно в прицел не смотрел. Понимал, что при выстреле пуля может тело животного насквозь прошить. Сидел и шевелил трупом. Может, обзорность себе увеличивал, землю подкапывал или стволом раздвигал. А я думал, что это тело нас слышит и шевелится. Когда мы отстрелялись, снайпер поднялся к винтовке. В это время Занадворов выстрелил. Я видел, как что-то бесформенное полетело в сторону. Похоже, разбитая пулей голова снайпера.

– С таким раскладом получается, что они знают наше оружие, – сделал я вывод. – По крайней мере, знают, что мы имеем тепловизионные прицелы.

– И автоматы с глушителями, – добавил сержант Занадворов.

– То есть понимают, что их засада уничтожена, – высказал свое предположение сержант Мослаков.

– Выходит, так... – согласился я с очевидным. – И это автоматически значит, что они вооружены не хуже. По крайней мере, тоже тепловизоры имеют. И, скорее всего, не только снайпер. А это уже значит, что нам предстоит бой с противником, которого мы превосходим только численно и за счет боевой подготовки. Бандитов теперь осталось пять человек вместе с эмиром. У них нет школы, но есть природная хитрость и опыт боев на Ближнем Востоке. Рассчитывать на то, что они сдадутся, не приходится. Не те это парни. Уйти им некуда. Ущелье не имеет второго выхода. Если только через хребет перелетят, но вертолет они, кажется, не заказывали. По крайней мере, у нас в отряде я о таком не слышал. А крылья у них вырасти не успели. Будем добивать. Мослаков, сколько, по твоим подсчетам, осталось до базового бандитского лагеря?

– Думаю, не больше трехсот метров.

– Примерно правильно ориентируешься. По моей карте на планшетнике – двести семьдесят шесть метров. Это от передового дозора. Если снайпера выставили, значит, могут и сами выйти ближе. Значит, бой может возникнуть вот-вот... Занадворов! Держи под присмотром винтовку убитого снайпера. За ней может кто-то подойти.

– Я уже присматриваю, товарищ старший лейтенант, – сержант Занадворов свое дело знал хорошо и понимал, какую работу ему следует выполнять, не дожидаясь командирской подсказки. И это было уже далеко не в первый раз. Опыт снайпер имел основательный, думаю, даже больший, чем опыт бандитов.

У меня во взводе вообще-то большинство бойцов свои обязанности знали и могли без подсказки и напоминания их выполнять. Тем не менее общая координация действий – это всегда обязанность командира, и я никогда об этом не забывал. Принял решение и в этот раз.

– Мослаков! Остаешься с дозором на месте. Взвод подтягивается к передовому дозору. Вперед! Работать будем «методом вытеснения». Сразу разбиваемся на тройки. Второй и третий снайперы выбирают себе позицию выше и контролируют пространство впереди.

Когда я отдавал команду, наушники донесли до меня слабый звук выстрела «Выхлопа».

– Занадворов, что там у тебя?

– Бандитов осталось четверо. Один пожелал забрать себе винтовку снайпера. Мне трудно сказать точно – в тепловизор четко разобрать невозможно, но, если не ошибаюсь, это «Баррет М82»⁶. За такой винтовкой можно и под пули полезть... Только больше, бедолага, не полезет. Без головы трудно в темноте ориентироваться...

⁶ «Баррет М82» – крупнокалиберная американская снайперская винтовка производства фирмы «Barrett Firearms»,

Опять, значит, пуля в голову. А это не есть хорошо. Начальник штаба сводного отряда спецназа ГРУ уже говорил мне:

– Из Следственного управления Следственного комитета мне звонили, просили предупредить, чтобы снайперы аккуратнее работали. А то слишком много убитых выстрелом в голову, после чего возникают трудности с идентификацией личности.

Я пообещал довести информацию до сведения снайперов и, естественно, довел. Тогда же мне возразил сержант Занадворов:

– А как же тогда стрелять, товарищ старший лейтенант. Они же не в полный рост на нас идут. Они ползут вперед головой. Если бы уползали, можно было бы пулей «насильственный акт» совершить. А так всегда вперед головой ползут. Больше и стрелять некуда...

– Стреляйте, как удобно, – разрешил я в тот раз, как отмахнулся. – Следаки переживут. Пусть ищут другие способы идентификации...

Этот разговор я вспомнил, когда Занадворов подстрелил двоих бандитов выстрелом в голову. А после пули калибра «двенадцать и семь» идентифицировать их по фотографии будет, конечно, невозможно. А все другие виды идентификации и опознания, насколько я знал, длительны и затратны. Но следакам нужно побольше бегать и шевелиться, чтобы солидность потерять. Вот и пусть бегают, пусть суетятся. Снайперы работают так, как им удобно, а не выборочно ищут чьи-то головы. В самом деле, если снайпер бандитов сидел в окопе и только голову в подготовленную щель высовывал, куда ему еще можно было попасть. А второй, что хотел винтовку снайпера забрать, полз головой вперед. Конечно, можно постараться и попасть в плечо. Это при калибре винтовки «Выхлоп» все равно будет смертельный выстрел. Но с дальней дистанции, а Занадворов стрелял именно с дальней дистанции, как я представлял, глядя в карту на планшетнике, не менее полукилометра, трудно прицеливаться в плечо. Видна передняя часть корпуса, и пуля летит в центр этого корпуса. Попадает, естественно, в голову. Придаться здесь не к чему. Когда следаки работают, в них никто не стреляет. А здесь, в боевой обстановке, всегда есть вероятность встречного выстрела. Потому снайперы и торопятся, хотя и не слишком, уничтожить противника до того, как он выстрелит сам.

– Взвод! По тройкам разобрались?

– Так точно, товарищ старший лейтенант, – ответил за всех замкомвзвода старший сержант Тихомиров. – Так, тройками и выходим на рубеж...

Взвод выходит на рубеж, пора и мне! И я быстро пополз, работая локтями и коленями. Полз и радовался, что сам себя не слышу. Значит, меня не слышит и противник...

калибра 12,7×108 миллиметров, основное оружие американских снайперов и снайперов большинства спецподразделений развитых стран мира. Считается антиматериальной винтовкой, то есть той, из которой можно с дальней дистанции уничтожать и повреждать материальные средства противника – автомобили, радиолокаторы, топливозаправщики, вертолеты и даже самолеты, стоящие на аэродромах, а с более короткой дистанции и легкие бронированные средства. Но используется и для поражения живой силы противника. На базе этой винтовки был создан армейский гранатомет «Баррет XM107», стреляющий гранатами калибра 25×59 миллиметров, но гранатомет так и не был принят на вооружение, поскольку его отдача превышала допустимый стандарт, принятый в американской армии.

Глава вторая

Взвод полз в том же направлении, что и я. Только я имел возможность ориентироваться еще и по своему планшетнику, тогда как взвод ориентации не имел. Но я благодаря устойчивой связи имел возможность подсказать.

– Тихомиров! На десять метров можно спуститься, а потом прямо двигаться.

У старшего сержанта был свой приемоиндикатор – упрощенный вариант планшетника, специально выпускаемый для солдат, но пользовался он им редко.

– Понял, товарищ старший лейтенант, корректирую направление.

Я проверил по своему планшетнику. Теперь, после корректировки, направление было выбрано правильное. Тем не менее я передвигался быстрее, как и положено офицеру и командиру взвода, и должен был прибыть к передовому дозору раньше взвода.

Уже на подходе, когда я был рядом с группой сержанта Мослакова, к которой только что присоединился сержант Занадворов, я еще раз посмотрел в монитор планшетника, на сей раз уже интересуясь не траекторией движения взвода, а местом, которое нашли для себя второй и третий снайперы. И увидел, что оба, как я и посоветовал, забрались выше по склону, но оба еще не остановились и продолжали движение в глубину ущелья.

Там, наверху, леса не было. Там сплошь проходила каменная гряда с отвесной стеной, взобраться на которую, как мне сказали в оперативном отделе сводного отряда, невозможно. У них, видимо, существовали какие-то разведанные, которые мне не предоставили, объяснив только то, что было мне необходимо объяснить, и передав лишь конечную информацию.

Я снайперам уже говорил, что поверху идет неприступная стена, и на нее не взобраться. Тем не менее где-то под стеной, уже за границей леса, оба продолжали движение. В принципе я понимал, что они не ищут возможности на стену взобраться, чтобы занять господствующую позицию. Просто лес на склоне мешает обзору, и потому оба ищут место ближе к бандитскому лагерю, чтобы иметь возможность обстреливать его своими мощными пулями, которые не оставляют раненых.

Корректировать их движение я не стал. Снайперам с дальнобойными винтовками лучше, чем мне, понятно, какое место им лучше подходит для эффективной стрельбы. Конечно, лес часто не в состоянии спрятать человека от тепловизионного прицела. Но даже тяжелая пуля от соприкосновения с ветвями способна изменить направление полета и сделать идеально выверенный выстрел неточным.

И потому снайперы предпочитают работать на открытом пространстве. Именно такое пространство и искали два младших сержанта. Им требовалось увидеть сверху и сам бандитский лагерь, и гроты, расположенные на противоположном склоне.

– Соломатов, Коровкин! – позвал я. – Вам сверху все видно. Будет что интересное, докладывайте без задержки. А то вы оба – как воды в рот набрали...

– Мы поняли, товарищ старший лейтенант. Пока ищем место с полным обзором. Возможные цели ищем попеременно. Никого еще не обнаружили.

– Добро! Работайте спокойно! Ваша задача – лагерь и страховка взвода. Лес можете оставить на нашей совести, – облегчил я снайперам задачу.

Сержант Мослаков увидел меня даже без прицела и, как я понял, без очков ночного видения, которые сержанту всегда только мешали. Он вообще хорошо видит ночью, и потому, наверное, старший сержант Тихомиров и послал его в передовой дозор.

Мослаков привстал и сделал мне знак рукой, приглашая забраться в низинку, – по сути дела, естественную яму-окоп, вымытую за несколько лет весенней талой водой. Здесь сконцентрировались бойцы дозора и снайпер. Низинка располагалась в паре метров от бандитского окопа, где была выставлена засада, а сейчас лежали только тела убитых бандитов.

Эту нашу низинку, как, впрочем, и окоп, издали можно было увидеть разве что с каменной гряды, на которую невозможно подняться без вертолета. Да и то смотреть нужно было с противоположного края ущелья, с самого его верха. С той стороны, которой мы передвигались, каменную гряду от нас скрывали деревья, следовательно, и нас от чужого взгляда оттуда они тоже скрывали. Скорее всего, скрывали даже от тепловизора, потому что одежда в экипировке «Ратник» сшита из ткани, не пропускающей ни холод, ни тепло. А тепловизионные приборы как раз рассчитаны на то, чтобы видеть тепло. Открытыми остаются только лицо и руки. При необходимости мы надеваем на лицо подшлемник, одновременно являющийся маской «ночь», то есть оставляющий видимыми только глаза. Маска сшита из той же ткани, не пропускающей тепло. А на руки нетрудно надеть такие же защитные перчатки. Тогда глаза, которые, естественно, закрыть ничем невозможно, будут в ночи светиться как глаза птицы или бегущей мыши. И все, больше ничего определить тепловизор не сможет. Стрелять в птицу или в мышь никто, естественно, не будет.

Передовой дозор по моему приказу, данному задолго до нынешней операции, шел в масках и в перчатках. Может быть, еще и по этой причине снайпер бандитов не стрелял в сержанта Мослакова. Снайпер не видел человека и не решился нарушить тишину выстрелом из такого «громобоя», как «Баррет М82». А уж сквозь ветви деревьев, особенно издали, с каменной гряды, свечение глаз вообще идентифицировать с человеком невозможно.

Банда прибыла на Северный Кавказ с Ближнего Востока. Там ни у иракской, ни у сирийской армии экипировки «Ратник» нет. Она вообще, пока не будет полностью обеспечена российской армией, никуда на экспорт не планируется. Значит, опыта работы с такой маскировкой бандиты не имеют. И ничего не видят даже с помощью самых совершенных приборов, которые придумали люди.

Конечно, человек с опытом с помощью сильного тепловизора может что-то увидеть и сообразить. Например, может определить слабое свечение на левой стороне груди коммуникатора «Стрелец» или какой-то другой прибор, работающий от аккумулятора. Даже обычную трубку сотового телефона, пусть даже в выключенном состоянии – она будет излучать слабое свечение.

Мы на полигоне во время подготовки тщательно изучали все возможные варианты, при которых на человеке что-то будет светиться. И умели различать прибор по интенсивности свечения. Например, тот же сотовый телефон светится более темным светом, чем коммуникатор «Стрелец». Собственным свечением обладают и ночная оптика снайпера или бинокль офицера. Но, повторяю, для определения этого требовались необходимые отработанные навыки, хотя и они могут быть только приблизительными. У бандитов таких навыков не было, поскольку с экипировкой «Ратник» они не встречались. И занять такую они не могли, хотя, наверное, желание было. Как нам говорили, полный комплект снаряжения стоит около одного миллиона рублей. А, например, схожий по параметрам защиты, хотя и несравнимо более тяжелый, французский комплект стоит больше восьми миллионов рублей. Бандиты тратить свои деньги на средства защиты не желали, а добыть в бою или украсть, как они обычно делают, не удается.

Оснащенный экипировкой «Ратник» боец по всем параметрам превосходит противника, и победить такого можно только случайно. Так, во многом благодаря своей экипировке мы уже смогли уничтожить больше половины банды, не имея собственных потерь. И не планировали понести их и в дальнейшем. Превосходство в оснащении всегда сказывается. Имея приборы, равноценные нашим современным, это легко ощущается. Мы в бою против опытных бандитов чувствовали себя так же, как сами бандиты чувствовали бы себя где-нибудь в глубине Африки, где против них выступали бы племена аборигенов, вооруженные луками и копьями.

Вообще, наша экипировка была надежной. Честно говоря, мне однажды в позапрошлую командировку достался в бою удар осколком гранаты в руку чуть ниже локтевого сустава. Ткань

костюма выдержала удар осколка, хотя рука после этого онемела, и стоило большого усилия довести бой до конца. И еще несколько дней рука работала плохо. Но это в любом случае лучше попадания осколка в руку, не защищенную противоосколочной тканью. Тогда были бы необходимы хирургическая операция, лечение в госпитале и прочие атрибуты ранения. И взвод на какое-то время остался бы без командира. Конечно, в определенной степени мой замкомвзвода сумел бы меня подменить, но не заменить полностью. Все-таки старший сержант Тихомиров – только солдат, хотя и контрактник, но не офицер. Он обладает определенным багажом знаний и навыков, но полноценно заменить меня не сможет.

Таким образом, комплект «Ратник» не только уберег меня от ранения, он, возможно, оставил в живых кого-то из бойцов моего взвода и помог взводу уничтожить несколько бандитов, то есть спас несколько жизней мирных жителей.

Но это все мысли сослагательного наклонения. Мне они ничего не давали в практическом плане. А я по роду своей деятельности человек весьма даже практичный. И, как практичный человек, я, заглянув в планшетник, еще раз подкорректировал направление движения взвода. При этом отчетливо увидел, что взвод уже практически разбит на «тройки». По крайней мере, те бойцы, что идут впереди других, передвигаются устойчивыми «тройками». Только один человек, замыкающий строй, движется самостоятельно. Я скорее догадался, чем увидел, что это мой заместитель старший сержант Тихомиров. Но все же решил свою догадку проверить:

– Тихомиров!

– Я, товарищ старший лейтенант!

– Ты где?

– Замыкаю строй. Смотрю, чтобы отставших не было.

То есть старший сержант выполнял свою обычную работу. Если командир впереди, он строй замыкает даже без напоминания. Если командир в арьергарде, то замкомвзвода строй возглавляет. Обычное дело, хотя я не люблю пускать своего заместителя вперед. Он сам по себе человек стремительный, порой даже излишне, часто задает такой темп, который в состоянии утомить молодых солдат. Плохо чувствует меру. Но при этом хорошо свои текущие действия оправдывает:

– Солдаты должны равняться по самым быстрым и самым сильным, а не по отстающим. Только тогда возможен рост боеготовности...

Не согласиться с этим было сложно. Я при этих словах обычно просто усмехался и сам возглавлял взвод. Но сейчас я возглавил его изначально. И ждал прибытия «троек».

Когда взвод разбит на устойчивые «тройки» – это и есть работа методом «вытеснения». Сам метод родился давно, еще в советские времена, когда спецназовцы КГБ штурмовали в Кабуле Дворец президента Амина. Они разработали метод, позволяющий при высококласной подготовке и при правильном исполнении добиваться успеха в бою с численно превосходящими силами противника. Этот метод внимательно изучали все западные специалисты и взяли на вооружение.

В самом Советском Союзе метод был несправедливо забыт. И потом уже изучался по западным методическим пособиям, поскольку в Советском Союзе даже пособий по боевому применению самого «метода вытеснения» выпущено не было. Спецназовцы КГБ были практиками, а не теоретиками. И разрабатывали метод для практического применения, на своих практических тренировочных занятиях.

Суть «вытеснения» состоит в том, что три бойца идут рядом, плечом к плечу. Приклады автоматов держат прижатыми к плечу, предохранители опущены, затвор передернут. То есть оружие постоянно готово к бою. При этом сектор перед собой примерно в двести градусов окружности бойцы делят на сравнительно равные отрезки контроля. Каждый контролирует свой сектор и около десяти градусов сектора соседа – на случай помощи. При этом стрельба ведется по всему, что попадает в поле зрения, – от пикирующей птицы до летящего кирпича.

Во время сербско-боснийского конфликта, как официально называется сербско-боснийская война, на стороне сербов воевал «русский черный батальон», составленный из отставных спецназовцев, кстати, не только России, но и других стран. Мне рассказывали, что в «русском батальоне» служили и поляки, и румыны, и украинцы, и жители других государств. И этот батальон своими силами, применяя «метод вытеснения», выбил из какого-то городка, не помню его названия, целый боснийский полк.

Мои бойцы «методом вытеснения» владели. Я специально тренировал их на это. И сейчас они готовы были вступить в бандитский лагерь, уничтожая все живое, что попадет им в прицел.

Судя по тому, как шел взвод, бойцы уже начали работать. Их тепловизионные предобъективные насадки позволяли просматривать территорию леса вокруг и продвигаться неуклонно вперед. «Троек» вполне хватало, чтобы завершить операцию, не вызывая боковое охранение с флангов и не привлекая передовой дозор. Пять «троек» достаточно для уничтожения четверых бандитов, даже если бандиты будут находиться в укреплении. На этот случай у нас есть два снайпера с винтовками «Корд», способными пробить бетонную стену, если такая попадется на пути. И потому я отправил второго и третьего взводных снайперов на поиски высокой позиции. Той позиции, что будет давать им возможность обзора и определения расположения противника. Как только они что-то определят, они мне доложат, я уверен...

* * *

Уверенность моя имела под собой весомое основание. Буквально накануне выезда в эту командировку на взвод было выделено пять приемоиндикаторов солдата, являющихся составной частью экипировки «Ратник». После испытаний нам была обещана, в случае одобрения, экипировка приемоиндикаторами всего личного состава взвода. Естественно, первыми приборы, находящиеся на прямой связи с планшетником командира взвода, получили замком-взвода и три командира отделения. Оставался еще один комплект, который решено было выделить на трех снайперов. А уж как делить единственный девайс на троих, предстояло решать им самим. Я склонялся к мысли, что работать с ним будет первый снайпер взвода сержант Занаворов. Но он отказался в пользу двух других снайперов. Причем нашел вполне приемлемое объяснение своего решения:

– У второго и третьего винтовки дальнобойные, у них задачи могут быть особыми. С таким приемоиндикатором особые задания легче выполнять. Пусть вдвоем и пользуются. Они же все равно парой обычно работают. А кто носить при себе будет – какая разница. Это же не орден, который на двоих не делится!..

Мне оставалось только согласиться.

И теперь у пары снайперов была возможность передавать мне на планшетник любые данные. Они просто ставили отметку на своем мониторе, нажимали нужную клавишу, и отметка автоматически отображалась на моем планшетнике.

И она отобразилась, как только снайперы вышли на место, откуда хорошо просматривались и ущелье вдаль, и бандитский лагерь, и два существующих в вертикальной стене природных грота. Только гроты, как сразу сообщили мне по связи, были нежилыми. Тепловизоры снайперов не показывали в них наличие биологически активных объектов. Никакого свечения обнаружить не удалось. Гроты, скорее всего, использовались в качестве складских помещений. А вся банда жила в палатках.

Их было шесть штук. Вполне хватало на одиннадцать человек. По двое в палатке – это стандарт. А в одной палатке, скорее всего, жил эмир. Тот самый, с татуировкой на предплечье. Эмиры, как правило, предпочитают обустраиваться в гордом одиночестве. Мы к этому уже привыкли и потому зачастую знали, где искать эмира в лагере. Палатка эмира ставилась особняком, иногда по центру, иногда с краю, но обязательно нарушая общий строй.

– Людей не видно? – спросил я снайперов.

– Пока никого нет, – объяснил младший сержант Коровкин. – Могли в лес уйти, до леса от палаток метров сорок. Могут в палатках сидеть. Если палатки утепленные, тепло выходить не должно. Тепловизору уцепиться не за что. Хотя кто в боевой обстановке будет в палатке отсиживаться? Разве что раненый...

Палатки у бандитов обычно бывают утепленными. Мы к такому давно уже привыкли. Ночью в горах бывает холодно, а они все имеют опыт горной войны. Да и все банды, сколько мы их ни уничтожали, рассчитывали до зимы прожить и зиму намеревались тоже провести в горах. И готовились к этому, даже теплую одежду про запас имели. Хотя думать о зиме пока еще рано. Лето в самом разгаре.

«Тройки» взвода тем временем продвигались вперед. Сформировалась еще одна, шестая «тройка», в которую вошел сержант Мослаков и два солдата передового дозора. Эта тройка возглавила общее движение.

– Юра! Мослаков! – позвал я.

– Слушаю, товарищ старший лейтенант.

– Проверь то место, которое тебя остановило. Что там такое в тепловизорах светилось?

– Я туда и иду...

– Документы у убитого снайпера забери.

– Понял. Сделаю...

Сам я двинулся вслед третьей «тройке». Мы могли бы вызвать фланговые дозоры и сформировать еще две «тройки», используя в качестве рядового бойца первого снайпера взвода, но я посчитал это лишним и подумал, что боковые дозоры обязательны в наших действиях. А «троек» у нас хватало. Сержант Занадворов со своим «Выхлопом» двинулся рядом со мной.

– Товарищ старший лейтенант, – вышел на связь сержант Мослаков. – Тут какой-то нонсенс, иначе не скажешь.

Сержант Мослаков всегда любил щегольнуть красивым и умным словом, особенно если это слово не всем понятно.

– Что там такое?

– Рядом с окопом лежит в виде бруствера туша недавно убитого кабана. Потому она и светилась, что остыть не успела. Прикрывала бойницу для винтовки.

– Нонсенс был бы, если бы там туша убитого бандита лежала, – ответил я, не понимая сразу, чему сержант так удивился.

– Мусульманам даже прикасаться к свинине непозволительно. А тут кабана сюда перетащили, да и снайпер лежал с ним почти в обнимку. И это – фанатик?

– Документы у снайпера посмотри. Наверняка – это какой-нибудь европеец.

– Я как раз нашел документы. Только что... По лицу ничего сказать невозможно, поскольку лица у него нет. Но на груди из-под «разгрузки» рыжие волосы наружу торчат. Так... Вот, нашел паспорт. По цвету на российский похож. Только герб в виде наполовину ошипанной курицы.

– Польша?

– Польша... Гражданин Польши.

Что и требовалось доказать...

– Убери паспорт в карман поглубже. Смотри, не потеряй. Наличие наемников в банде – решающий повод для участия в операции спецназа ГРУ. Мы противостоям интервенции. Занадворов! Где лежит тот, что за винтовкой полз?

– Тридцать шагов от окопа снайпера на пятнадцать минут второго. Он там между двумя большими деревьями лежит. Между двумя корнями.

– Понял. Ищу... – отозвался сержант Мослаков, хотя я и не давал еще приказа поискать второго убитого, но, поскольку сержант находился к телу ближе других и только что выполнял аналогичную задачу, он понял заранее, куда я его пошлю.

– Сразу смотри документы. По «интерфейсу» ты его точно не узнаешь... – подсказал Занадворов.

Снайпер хорошо знал, что может случиться с лицом после попадания в него пули такого большого калибра. Голова обычно просто раскалывается, и кусочки черепной коробки можно потом долго подбирать в окрестностях. И потому совет его был деловым.

Чтобы «тройка» прошла тридцать шагов своим отработанным способом передвижения, когда только центральный боец шагает, а крайние выставляют вперед сначала одну ногу, потом вторую приставляют к первой. На это ушло больше чем полторы минуты.

– Есть тело «всадника без головы», – доложил Мослаков. – И без лошади, между нами говоря, тоже. У него, кстати, за спиной своя винтовка с оптикой. Ой-ей... Куча зарубок на прикладе. Сейчас подсчитаю...

Сержант долго шевелил губами, издавая какие-то нечленораздельные звуки, означающие, видимо, числительные.

– Сто двадцать три зарубки. Сто двадцать три души, значит, сгубил. Одна зарубка совсем свежая. Видимо, уже в России отметить успел.

– Да, – подтвердил я. – Не очень далеко отсюда на дороге позавчера был застрелен полицейский на личной машине. Калибр пули – семь, шестьдесят два.

– Калибр сходится. У этого на спине СВД...

– Пусть эксперты разбираются. Документы посмотри...

– Есть паспорт. Гражданин Литвы...

– Да тут их целый интернационал собрался! – сказал я. – Спрячь паспорт. Не потеряй. Выдвигайся дальше.

В это время на связь вышел младший сержант Соломатов:

– Товарищ старший лейтенант! Два человека вернулись из леса. Готовят крупнокалиберный пулемет. Кажется, собираются его вам навстречу тащить. Потушить им свет?

– По полной программе! Одновременно...

– Понял. Работаем.

Не прошло и пяти секунд, как по ущелью прогремели выстрелы. Впечатление было такое, что стреляли артиллерийские орудия. Это две крупнокалиберные винтовки «Корд» выстрелили одновременно. Нам результат выстрелов видно не было. Но младший сержант Коровкин тут же доложил:

– Надо же! Впервые увидел, как ноги с половиной туловища побежали. Шага три сделали, пока не споткнулись. Все, товарищ старший лейтенант. У вас два противника осталось. Но они, похоже, в лесу, и мы их не видим. Лес густой, стволы стоят плотно. Найти кого-то с такого расстояния в тепловизор практически невозможно. Не стоит даже время терять. Теперь вся надежда на вас...

– Не подведем снайперов, – бодро ответил сержант Мослаков. – Кажется, мой тепловизор что-то впереди улавливает. Но только мелькание свечения. Даже контур различить невозможно. Будем сближаться...

– Точно что-то видел? – переспросил я. – Еще кто-то видел?

– Я видел... – подтвердил рядовой контрактной службы Моисеев, входящий в «тройку» сержанта. – Промелькнуло что-то и словно бы залегло. Это где-то на левом фланге, чуть ли не на дне ущелья.

– Понял, – я принял решение переходить к активным действиям. – «Тройки» разворачиваются во фронт. Впереди только «тройка» Мослакова. Остальные идут единой линией. Мослаков! Только разведка! Высмотри, узнай, доложи...

– Работаю, товарищ старший лейтенант...

Взвод быстро и организованно перестроился, что невозможно было бы определить в густом ночном лесу без такого надежного помощника, как мой планшетник. Куда ни посмотришь, современные технологии присутствуют везде и существенно упрощают не только быт, но и боевые действия. И те, кто в них непосредственно участвует, знают это лучше других.

Я не берусь говорить о Второй мировой войне, но если взять боевые действия в Афгане, то с современным вооружением наша армия смогла бы обеспечить правительственным войскам существенное преимущество. А времени-то прошло совсем немного. Ветераны Афгана еще кое-где дослуживают свой срок. Даже в спецназе ГРУ командующий – из их числа. Наверняка есть и другие, хотя все они уже давно немолоды, и лично в боевых действиях участия не принимают.

Что-то меня снова понесло в сослагательное наклонение, второй раз за операцию поймал я себя на подобных мыслях. Наверное, это происходит потому, что бандиты, против которых мы воюем, чем-то сродни афганским «духам». По уровню вооружения, по умению воевать, по своей упертости. И это говорит о том, что у бандитов тоже нет шансов против высокотехнологичной армии. И, словно в подтверждение мысли, наушники шлема принесли мне сообщение от левофлангового дозора, что выдвигался параллельно остальному взводу по дну ущелья:

– Товарищ старший лейтенант, что-то быстро передвигается в нашу сторону. Одиночный объект. Пока за деревьями видно плохо, но, похоже, это человек. Бежит, судя по всему, бегом, – доложил командир третьего отделения младший сержант Коробков.

– Я его тоже вижу, – сообщил сверху младший сержант Соломатов. – Взял на прицел, временами веду, но стрелять деревья мешают. Нет полной гарантии попадания.

– Впереди у него редколесье, – подсказал Коробков. – Подожди, когда туда выйдет.

– Понял, жду, – согласился Соломатов.

Снайперу все равно было стрелять легче. Его калибр давал высокую гарантию того, что пуля, срезав ветку дерева, не отклонится в сторону в сравнении с пулей солдатского компактного автомата «9А-91», хотя калибр девять миллиметров – тоже немаленький, но убойная сила автоматного патрона несравнима с убойной силой снайперской винтовки «Корд». Я вообще не знаю снайперских винтовок, способных на такую стрельбу, как «Корд». Не зря мои второй и третий взводные снайперы почти официально считаются охотниками на снайперов. Хотя и винтовка «Выхлоп» уступает «Корду» только в дистанции стрельбы, но, имея более короткий патрон, следовательно, меньший пороховой заряд, имеет более тяжелую пулю и возможность использования ПБС⁷, что для условий работы спецназа всегда является важным элементом работы.

– Занадворов, ты человека видишь?

– Никак нет, товарищ старший лейтенант. Передо мной лес густой. Деревья стоят плотно. Стволы на дальней дистанции полностью перекрывают обзор тепловизору.

– Там не только лес, – добавил младший сержант Соломатов. – Там еще между вами скопление скал. Они обзор перекрывают. А человек этот, насколько я понимаю, напрямую к скалам направляется.

– Да, сейчас свернул напрямик туда, – согласился младший сержант Коробков. – Только задержался в одном месте, склонялся там к земле, словно искал что-то. Может, мелочь из кармана высыпалась, собирал...

– Или что-то там устанавливал, – добавил младший сержант Коровкин. – Я тоже его на прицел взял. Но хотелось бы досмотреть этот фильм до конца. Что он там задумал?

⁷ ПБС – прибор бесшумной стрельбы, иногда называется ПББС – прибор бесшумной и беспламенной стрельбы, попросту говоря глушитель.

Я слушал эти разговоры и рассматривал в мониторе скальный участок. По большому счету, бандиты многое упустили, не организовав пост именно там. Там было бы удобно устроить засаду. Только упущение ли это? Может, скалы здесь имеют другую функцию?

– Все, – сообщил Коробков. – Зашел за скалы, мне его не видно.

– Мне тоже не видно, – сказал Соломатов, – но из щели свечение идет. Прямо из середины. Я так думаю, что он по щели наверх карабкается и при этом сильно потеет, потому что скалы высокие и приходится при подъеме сильно напрягаться.

– Продолжать наблюдение. Докладывать о любом изменении ситуации! – категорично потребовал я.

– Товарищ старший лейтенант, впереди провод, – сообщил Мослаков. – Замаскировал плохо. Присыпан хвоей даже рядом с березой. Расчет только на ночную темноту. Или не умеют маскировать, или торопились – одно из двух. Если идет к взрывателю, то взрыватель электрический, не натяжной.

– Скорее, торопились. Короче, так сделай, Юра. Ложись за какой-нибудь пригорок и спутников своих уложи. После чего провод перережь или переруби. Взорвется или нет? Всем тоже залечь в ближайшее углубление! Неизвестно, где у мины «квартира»...

– Понял. Работаю...

Глава третья

Прошло долгих пять секунд. Ничего не произошло.

– Перерубил лопаткой, товарищ старший лейтенант. Никакого эффекта...

– Можешь удивиться, но об отсутствии эффекта я догадался.

– С вашего разрешения, я удивляюсь, товарищ старший лейтенант...

Есть у сержанта такая привычка, всегда оставлять последнее слово за собой. Даже после прямого приказа. Даже уставными словами, но обязательно что-нибудь да ответит. Я к этому давно уже привык и не заостряю внимания.

– Товарищ старший лейтенант! Там, в скалах, у этого боевика, похоже, какое-то подобие гнезда, – доложил младший сержант Коровкин, подтверждая мои недавние мысли об использовании скопления скал. – По крайней мере, он точно на чем-то сидит в своей яме, и, судя по всему, с большими удобствами. Яма, может быть, искусственного происхождения, а может, и естественного. Но сиденье, я предполагаю, точно искусственное. Сидит там, как перед телевизором, может быть, даже ногу на ногу забросил. Вот, точно, закуривает и из бутылки пьет. Может, пиво. Мне его отлично видно. Могу снять.

– Мне видно только часть плеча, – признался младший сержант Соломатов. – С моей позиции легко промахнуться.

– Так что, снимать? – Коровкин, как обычно, просил разрешения на работу.

– Да кому он здесь может понадобиться! Снимай, как только бутылку опустит. Дай попить человеку в свое последнее удовольствие...

– Может, я от зависти, потому как тоже пить хочу! Минералочки бы сейчас. Без газа, но соленой... Снимаю?

– Работай!

Громкий выстрел, сразу обрастая раскатистым эхом, прокатился над ущельем и затих среди деревьев. Я даже спрашивать не стал, насколько удачным он оказался. Привык к тому, что мои снайперы не промахиваются. Коровкин сам доложил:

– На два куска его развалил. Под поднятую руку попал.

– Но рука-то целая? – спросил я, с какой-то стати, вовремя или невовремя, вспомнив, что у эмира на предплечье должна быть цветная татуировка.

– Рука к верхней части вместе с головой приклеилась. Вторую руку мне не видно было, ничего сказать не могу. Но, поскольку я сверху стрелял, наверное, и вторая целая. Верхняя часть корпуса лежит на поверхности. А нижняя часть осталась в яме, вместе с задницей. Возможно, в положении сидя. Яма небольшая, из нее пульей не выбить. Проще туда вбить, как в могилу. Что в реальности и получилось...

– Ну, и хрен с ним... – в словах снайпера слышалось любовование выполненной работой.

Я не любил смакования картин смерти и сейчас пресек разговор на эту тему:

– Значит, мы имеем в наличии только одного бандита. Предполагаю, что это эмир...

Я сам не знаю, откуда у меня взялось такое предположение. Как правило, случалось так, что эмира убивали последним, оставляя, грубо говоря, «на десерт». Это уже вошло в привычку не только в моем взводе, но и в других взводах спецназа ГРУ. История нечаянная, не описанная в сценарии, тем не менее постоянно повторяющаяся.

– Товарищ старший лейтенант, – обратился младший сержант Коровкин. – Я только что рассмотрел: там перед бандитом стоял раскрытый кейс, а в нем что-то наподобие пульта. Должно быть, управление системой взрывов.

– Мы к скалам выходим, – сообщил младший сержант Коробков. – Сейчас заберемся и посмотрим. Но когда он бежал сюда, в руках у него ничего не было. Видимо, кейс на месте был спрятан. Вот, мне напарник показывает, два провода вверх ведут. Думаю, Коровкин прав.

Наверху была система дистанционного управления минными полями. Слышал я, что в Сирии такие постоянно выставлялись.

– Да, я тоже слышал, – согласился я. – Это тактика «Джабхат-ан-Нусры». Они заманивали сирийские войска на заминированную территорию, потом взрывали. И нас думали так же поймать. Не прокатило, слава богу... Коробков, что там наверху?

– Я лезу. Напарник уже там... Локтионов, что видишь?

Но рядовой Локтионов ничего объяснить не мог. Его, судя по звукам, сильно рвало. Это нормальная реакция на то, что он должен был увидеть. А увидеть он должен был разорванное на две части тело и разбросанные вокруг тела кишки. Рядовой срочной службы явно не был юным натуралистом и не рвался изучать биологию человеческого тела вживую.

– Понял... – констатировал командир отделения. – Я, товарищ старший лейтенант, уже почти наверху. Да. Забрался. Сейчас гляну.

«Младший сержант контрактной службы уже посмотрелся всякого, и вид разорванного тела его не сильно смутит», – подумал я. Так и получилось.

– Коровкин прав, товарищ старший лейтенант, – доложил Коробков секунд через тридцать, которые понадобились ему для осмотра места. – В кейсе блок пультов. Похоже на заводское изготовление. Сейчас я все провода на всякий случай обрежу, чтобы случайного срабатывания не произошло.

– Сколько проводов? – спросил я, понимая, что провода не подскажут количество взрывных устройств, потому что большая часть из них должна была бы, как обычно бывает, сдетонировать при взрыве управляемой мины, от которой тянутся растяжки к взрывателям натяжного действия.

– Шесть проводов, товарищ старший лейтенант. Только мин обязательно будет больше. От каждой должна взорваться еще целая куча. Ага... Здесь лежит бинокль с тепловизором. Бандит должен был смотреть, когда взвод выйдет на удобную для уничтожения позицию. Разрешите, товарищ старший лейтенант, бинокль себе забрать? Боевой трофеей...

– Мне принесешь, я со своим сравню, какой лучше, себе заберу... – я откровенно воспользовался должностью командира взвода. Мой бинокль тоже был трофейным, добытым в одной из предыдущих командировок. Но он меня не слишком устраивал. Хотя тепловизор в нем был более сильным, чем предобъективная тепловизионная насадка на оптический прицел автомата, однако он значительно уступал в силе тепловизорам прицелов снайперских винтовок взвода. А командиру всегда следовало видеть больше других и в лучшем качестве. Это естественный вопрос.

Младший сержант Коробков понимал это и потому сразу согласился:

– Понял, товарищ старший лейтенант. Пока заберу себе, чтобы попользоваться. Потом вам покажу...

– Не забудь футляр для бинокля найти. Там обычно бывает вмонтировано зарядное устройство. Без него от бинокля толку мало. Зарядные устройства у разных производителей оригинальные.

– Вот он, рядом с верхней половиной тела валяется...

– Хорошо. Осмотрись в бинокль сверху и продолжай движение. Нам еще следует эмира обезвредить. А он изо всех должен быть по определению самым зловредным. Кстати, посмотри на правую руку убитого. Нет на предплечье цветной татуировки? Какая-то надпись на арабском языке должна быть. Если есть, то это – эмир.

– Татуировка есть. Я как раз ее рассматриваю. Только это не надпись, а змея, руку опоясавшая, и голова змеи с раскрытой пастью на тыльную сторону ладони уходит, к самой костяшке среднего пальца.

– Товарищ старший лейтенант, я видел такие татуировки у китайских спецназовцев – специалистов по боевым искусствам, – сообщил старший сержант Тихомиров. – Помните, вы нас

на совместные антитеррористические учения вывозили. Мне тогда объяснили, что это почетная татуировка. Разрешается только тому, кто может одним ударом убить человека.

– А моя пуля одним ударом убила этого убийцу, – с некоторым недоумением сказал младший сержант Коровкин.

– Против пули, тем более такой, и лом – не спасение... – резюмировал я. О такой татуировке в китайском спецназе я тоже слышал. И даже видел эту татуировку. Только здесь был, скорее всего, не китаец. Хотя кто знает... – Коробков!

– Я, товарищ старший лейтенант!

– В останках покопаться сможешь? Не в самом теле, а в одежде.

– В том, что от нее осталось...

– Документы поищи.

На поиски ушло чуть больше минуты. Наконец Коробков сообщил:

– Есть паспорт.

– Не уйгур, случаем?

– Национальность определить не могу. Но паспорт «Kingdom Saudi Arabia»⁸. Как и полагается у них, обложка зеленого цвета.

Мысль об уйгурах пришла мне в голову тоже не с потолка. Уйгуры, некогда подчинившие себе и воинственных киргизов, и часть жителей Памира, и часть современного Казахстана, и многие узбекские регионы, и даже значительную часть большого Китая, в настоящее время компактно проживают в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая, по вероисповеданию мусульмане. Среди уйгур, помнящих когда-то существовавшее собственное сильное государство, идеи сепаратизма никогда не затухали полностью, а получив поддержку со стороны ИГИЛ, уйгуры в огромном количестве присягнули халифату, и теперь их отряды воюют и в Сирии, и в Ираке, и в Афганистане, куда – в отдаленный и дикий даже для дикого Афганистана Ваханский коридор – китайцы по согласованию с правительством Афганистана ввели свои войска как раз для уничтожения уйгурских боевиков. Коридор этот был когда-то специально создан, чтобы разделить две великие империи – Российскую и Британскую, которой принадлежала Индия, включая Пакистан, который тоже когда-то был частью Индии. Сейчас с юга с Ваханским коридором граничат Индия и Пакистан, с севера – Таджикистан и Киргизия, с востока – Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая. Именно там китайцы воюют с уйгурскими бандами, постоянно пополняющими личный состав с территории самого Китая.

Мысль об уйгурах пришла мне не случайно. Уже много было разговоров, что уйгуры, не желая возвращаться к себе на родину, примыкают к отрядам представителей Северного Кавказа, которые едут к себе домой, будучи многократно битыми в Сирии и Ираке. Странная надежда стать победителями на нашей земле. Хотя, может быть, особой надежды здесь и нет, а есть только отчаяние и безысходность. И именно потому они дерутся всегда до последнего...

* * *

– Взвод! Внимание! – Я говорил предельно спокойно, никого не подгоняя, никого не нервюя и даже не напрягая ни в малейшей степени. – Продолжаем движение в прежнем порядке. Требую соблюдения максимальной осторожности в отношении выставленных бандитами мин. Все слышали разговор с правофланговым дозором? То-то же. Мотайте на ус. Из всех бандитов только один остался в живых. Если не хотите отправиться вдогонку за убитыми бандитами, смотрите внимательнее под ноги. Саперы впереди каждого отделения...

⁸ Kingdom Saudi Arabia – королевство Саудовская Аравия, помимо надписи на арабском языке на обложке паспорта гражданина Саудовской Аравии есть и такая надпись на английском.

Вообще-то в составе взвода по штату есть только один сапер. Но, помимо штатного, в каждом отделении есть и свои специалисты. Практически каждый боец прошел обучение по курсу минного дела, плюс к этому командиры отделений, которые проходили обязательную минную подготовку с каждым молодым составом взвода, всегда способны подменить штатного сапера.

Отдав команду, я посмотрел в монитор планшетника, где отражалось не только точное местонахождение каждого бойца взвода, но и его самочувствие – пульс, кровяное давление, температура тела и прочие характерные величины, большинство из которых мне были не просто малоинтересны, но и непонятны, хотя понятны они должны быть любому медицинскому работнику.

В боевую операцию мы медиков с собой не берем, за исключением штатного санинструктора, который способен, как и командир взвода, оказать только первую необходимую помощь раненому на месте, но не больше. То есть санинструктор тоже не являлся медицинским светилом.

Я вполне отдавал себе отчет, что система экипировки «Ратник» создавалась не только для работы взвода спецназа ГРУ. У других родов войск могут быть разные обстоятельства. И даже у нас, по большому счету, те же данные с моего планшетника могут уходить на точно такой же девайс, скажем, начальника штаба сводного отряда, рядом с которым может в нужный момент находиться и грамотный медик, который будет способен дать вовремя нужную подсказку.

В условиях батальона данные в обязательном порядке уходят на планшетник начальника штаба и командира батальона. И их тоже может консультировать медик. Таким образом, функции аппаратуры не стали лишними из-за того, что не все могут ими пользоваться. А то, что сам костюм «Ратника» имеет, по сути дела, в себе интегрированную медицинскую лабораторию, можно отнести только к плюсам. При этом раненый или контуженый боец, если он находится в сознании, вполне бывает в состоянии нажать кнопку сигнала о вынужденном выходе из боя или о необходимости оказания себе медицинской помощи со стороны. То есть если существует необходимость эвакуации человека с поля боя. Мне с моим взводом прибегать к таким мерам не приходилось, но на тренировках подобные действия мы отрабатывали. И всегда могли применить эти навыки.

К счастью, сейчас никому не было необходимости нажимать эту кнопку и вообще не было необходимости оказывать кому-то медицинскую помощь.

Взвод начал движение. Я пошел во второй линии по центру, чтобы иметь возможность переместиться на любой фланг, как только возникнет такая необходимость.

Правильность выбранной позиции определилась уже вскоре. Доклад пришел с правого фланга, но не от охранения, а напрямую из строя.

– Товарищ старший лейтенант! Рядовой Феоктистов. Впереди плохо различимый в темноте бруствер. Кажется, каменный. Над бруствером – свечение, схожее по уровню со свечением человеческого тела.

– Не сближаться. Там может быть пулемет. Ждать меня. Иду в вашу сторону. Всему взводу – остановиться и ждать!

Определить сторону было несложно. Рядовой Феоктистов был бойцом первого отделения взвода. А первое отделение шло по правому флангу. Командир отделения сержант Мослаков находился в передовом охранении, отделением в его отсутствие командовал, как обычно, младший сержант контрактной службы Колобков, который в то же время являлся и штатным сапером взвода, то есть самым опытным сапером среди моих солдат.

– Колобков! – сразу позвал я. – Ты где разлежся?

– Я замыкаю фланг, товарищ старший лейтенант, – отозвался сапер.

– Бруствер видишь?

– Так точно. Мы с Феоктистовым в одной тройке. Он мне локтем по носу задевает.

Феоктистов тощий и длинный, под метр девяносто с лишним, боец, а младший сержант Колобков, кажется, чуть ниже, чем метр семьдесят, хотя крепко сбит и ладно скроен. При этом Колобков имеет длинный нос, а Феоктистову всегда некуда девать локти.

Фраза сапера, как показали наушники, вызвала всеобщий смех. Солдатам необходимо было разрядиться. И я дал целую минуту на такую разрядку, после чего стал говорить предельно серьезным тоном:

– Перед бруствером наверняка несколько мин установлено. На дистанции, думаю, до сотни метров, как обычно бывает. Пройди перед линией отделения. Посмотри внимательно. Но к брустверу не приближайся. Сколько до него метров?

– Метров сто пятьдесят.

– Хорошо. Работай. На случай обострения, ожидай, что противник, как и ты, владеет системой «три – четыре». Он не случайно стал эмиром. Он этого добился.

Система «три – четыре» отрабатывается в спецназе до автоматизма. А означает она то, что спецназовец обязан уметь за три секунды сделать четыре точных прицельных выстрела. И здесь главную роль играет быстрота мышления.

Я прекрасно понимал, что просто так никто эмиром не становится. Человек чем-то обязан выделяться среди других. Может быть, опытом или личными боевыми навыками, может быть, даже жестокостью и беспощадностью как к противнику, так и к своим бойцам.

У нас быстрота реакции отрабатывается системой ножевого боя, когда работаешь двумя ножами против двух ножей в руках противника. И здесь существует большая тонкость. Во всех боевых единоборствах требуется максимальная концентрация внимания. Бывает, спортсмен имеет прекрасные боевые качества: реакцию, силу удара, быстрое соображение, но проигрывает заведомо более слабым противникам из-за неумения концентрироваться. В боевых условиях концентрация в определенных ситуациях может только помешать. Тогда требуется мысленно реагировать на предстоящие события и проводить «расконцентрацию».

В фехтовании двумя ножами против двух ножей противника это как раз и отрабатывается. Там недопустимо бывает сконцентрироваться на каком-то одном ноже, необходимо контролировать два своих ножа и два ножа противника, иначе пропустишь удар, который будет стоить тебе жизни. В «расконцентрированном» состоянии боец обязан видеть не только все четыре ножа, но и все то, что происходит вокруг него – спереди и сзади, слева и справа. Вообще-то говоря, если судить честно, то подобные схватки, когда в дело вступают сразу четыре ножа, в реальности никогда не происходят. Вообще ножевые схватки – это редкость. Более того, даже простые рукопашные схватки – редкость. А схватки в четыре ножа всегда бывают, как подсказывает моя память, только учебными. Но именно в них отрабатывается быстрота мышления, умение за доли секунды принять единственно верное решение и выбрать вариант его исполнения. И от этого, от умения быстро реагировать и быстро соображать, зачастую зависит жизнь бойца. Та же самая отработанная быстрота реакции позволяет владеть системой «три – четыре».

Кроме того, есть еще один важный фактор, который часто можно наблюдать у солдат срочной службы – отсутствие решимости применить оружие. Может быть умение владеть оружием, но без решимости – это ничто. Точно так же, как сама решимость ничего не значит без техники владения оружием. Именно по этой причине все тренировочные бои в ножевом фехтовании у нас проводятся сначала с тупыми металлическими ножами, чтобы человек почувствовал боль от удара противника, а потом, когда бойцы приобретают опыт, – уже с настоящими ножами. После таких занятий бойцу бывает легче не только ножом ударить, но и из автомата дать очередь на опережение противника. Это и есть школа воспитания бойца спецназа ГРУ.

– Понял, товарищ старший лейтенант. Работаю... – отозвался Колобков.

– Я уже рядом... – Я ориентировался по планшетнику, и потому мне не сложно было найти бойцов первого отделения. Так я вышел на первую тройку, находящуюся ближе других к конечной цепи. И сразу заинтересовался: – Колобков где?

Мне сразу показали вперед. Я поднял бинокль с тепловизором и сразу увидел ползущего среди деревьев младшего сержанта. Он был метров на двенадцать впереди общего строя. И явно что-то тащил на плече.

– Что там у тебя, Колобков? – спросил я.

– Снял одну МОН-100, и на дереве вижу МОН-200. Прямо к стволу прикручена. Направление взрыва – вдоль нашего фронта. Сбоку думали поразить...

МОН-100 и МОН-200 – противопехотные армейские стандартные мины направленного действия. Выгнутую в корпусе МОН-100 обычно выставляют где-то среди кустов, а МОН-200, имеющую круглый корпус, как правило, крепят или к скале, или к столбу, если таковой имеется, или к стволу дерева. Мины эти способны нанести большой урон живой силе множеством опасно летящих осколков. Но две мины – это, конечно, не предел.

– Взвод! Выслать вперед саперов. Искать взрывные устройства. Колобков, ко мне!

Пока младший сержант возвращался к линии общего строя взвода, я попытался найти бинокль тот самый каменный бруствер, про который мне сообщили. Но не сумел этого сделать, пока не подошел рядовой Феоктистов и не показал пальцем точное направление.

Я присмотрелся. Как раз небо очистилось от туч, и звезды стали светить ярче. Я убедился, что там точно был бруствер, сложенный из крупных камней, видимо, заранее, когда вся банда была в полном составе и представляла собой силу, способную тяжелые валуны с места на место перекачивать. Но если есть бруствер, должна быть и бойница. Иначе смысла не было такое сооружение городить.

Однако бойницу можно было бы обнаружить ночью только в том случае, если бы в нее выглядывал вместе со свечением своего тела человек. Сейчас никто не выглядывал. И потому бойницу я не увидел. Но свечение человеческого тела, что поднималось над камнями, я рассмотреть сумел и убедился, что это в самом деле человек. Поскольку в банде остался только один боевик, я понимал, кто сидит за каменным бруствером, прикрытый рукотворной стеной от пуль наших снайперов. И, видимо, опасаясь снайперов, не выглядывает даже в бойницу, ожидая взрыва мины, после чего он сможет стрелять. Скорее всего, из пулемета. Возможно, даже крупнокалиберного, пулю которого не выдерживает ни один бронежилет в мире.

– Товарищ старший лейтенант. Рядовой Окунев, – доложил нештатный сапер второго отделения. – Я тут нашел идущие одна за другой две светозумовые мины и МОН-200 на стволе дерева. Установлена на высоте человеческого роста, стоит с легким наклоном, чтобы поражающие элементы высоко не разлетались. Взрыватель натяжного действия. «Растяжка» протянута меж ветвей, не по земле. Очень легко зацепить...

– Дезактивировал?

– Светозумовые снял. МОН-200 снимаю. Взрыватель уже вывинтил. Идти дальше?

– Не надо. Эмир ждет взрыва и сосредоточил внимание на пространстве за бруствером. Значит, только наполовину контролирует то, что у него за спиной делается. Тихомиров! Ты далеко?

– Почти на левом фланге, товарищ старший лейтенант. Подойти?

– Ладно, контролируй ситуацию там. Есть у вас что-то? Я про мину...

– Одна светозумовая и одна МОН-100. Дезактивированы. Есть еще провода, идущие от скал. Будем смотреть, куда они ведут, и только потом обрежем. На месте.

Три светозумовые мины на таком коротком отрезке – это серьезно. Если сработает одна, сработают и другие, и даже те, которые мы еще не нашли. Сработают просто от шумовой волны. А это значит, что взвод будет полностью выведен из боя. Кто не сумеет вовремя спрятаться от такого взрыва нелетального оружия, получает серьезное поражение. Глухота на четыре-пять

часов. Слепота на три часа. Испуг на всю оставшуюся жизнь. Случается, пострадавшие в штаны накладывают... И диарея, вызванная испугом, в просторечье называемая «медвежьей болезнью», иногда не прекращается несколько суток, были даже случаи гибели людей от обезвоживания организма.

Испугаться, в самом деле, есть чего. Только что ты был здоровым и сильным, боеспособным человеком – и вдруг превратился в слепого и глухого. Многие не знают, что и слепота, и глухота через определенное время пройдут. И я как-то не озаботился предупредить солдат об этом. А объяснить что-то слепому и глухому невозможно. Только профессиональные саперы, изучавшие подобные взрывные устройства, знают этот эффект. Сказывается то, что вооружение нелетального действия применяется в боевой обстановке нечасто, и солдатская малограмотность в этом вопросе простительна. Правда, были случаи применения светошумовых мин против бандитов, но раньше они сами не применяли их против федеральных силовых структур. Светошумовые мины – пока еще редкое явление даже на армейских складах. Но бандиты, думается, привезли эти взрывные устройства с собой из Сирии и Ирака, где захватили много армейских складов с вооружением. В самих «горячих точках» Ближнего Востока такие взрывные устройства тоже применяются, я слышал, нечасто. Там как-то больше принято убивать. Там кажутся малоинтересными варианты с временным отправлением противника на инвалидность.

Отвлекать старшего сержанта Тихомирова от важного дела я не стал не потому, что дело, которое я задумал, является менее важным. В боевой обстановке каждое дело – важное, потому что все они вызваны необходимостью. Но есть и самые важные, которые решать должны наиболее опытные люди во взводе – я и старший сержант Тихомиров. А если он занят, мне придется брать в напарники кого-то другого или же вообще одному идти.

Первое предпочтительнее не только с точки зрения безопасности, но и с точки зрения ответственности. Рисковать собой в данной ситуации – это то же самое, что рисковать всем взводом. И потому я предпочел взять с собой напарника. Тем более, если напарником будет штатный сапер взвода, это еще одна гарантия безопасности.

– Мослаков!

– Я, товарищ старший лейтенант!

– Ты где?

– На десять шагов впереди основной линии.

– Выходи к своему отделению, принимай командование. Я Колобкова забираю.

– Понял. Выдвигаюсь.

И никаких вопросов, не говоря уже о возражениях. В боевой обстановке лишние вопросы ни к чему. Если командир решает что-то сделать, значит, это необходимо.

– Колобков! Ко мне!

– Иду, товарищ старший лейтенант. Я рядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.